
А.В. Ковалёв

Австрийская школа: от методологии
к объяснению кризисов

Москва
Институт экономики
2015

Ковалёв А.В. **Австрийская школа: от методологии к объяснению кризисов** — М: Институт экономики РАН, 2015. — 49 с.

ISBN 978-5-9940-0534-7

Характерной особенностью австрийской школы экономики являются ее ключевые методологические принципы — методологический индивидуализм, методологический субъективизм и отказ от концепции равновесной экономики в пользу рассмотрения рыночного процесса. Надежные методологические основания позволили создать стройную систему экономических категорий.

Наиболее ярко можно проследить применение методологии при создании и развитии австрийской теории бизнес-цикла, которая прочно интегрирована в общую экономическую теорию школы. Для правильного понимания теории кризисов необходимо свести воедино несколько «линий мысли», принятие которых неизбежно приведет именно к такому объяснению цикла. При этом теория обладает уникальным терминологическим аппаратом и является причинно-следственной, а не функциональной.

Возрождение школы с 1970-х гг. совпало с периодом несогласия в экономическом мейнстриме относительно причин цикла, что позволило современным поколениям школы дополнить теорию плодотворными идеями при сохранении верности методологическим принципам.

Ключевые слова: методологический субъективизм, методологический индивидуализм, австрийская школа, экономические циклы, «бум-крах» экономика, ошибочные инвестиции, структура капитала.

Классификация JEL: В 130, В 250, В 410, В 530, Е 320.

The specific feature of Austrian School is its methodological principles includes methodological individualism, subjectivism, and rejection of the concept of economic equilibrium in order to analyze market process. That solid methodological background allowed to build a logical system of economic categories.

Austrian business cycle theory is integrated into school' general economic theory and may be regarded as a vivid illustration of implementation of methodology to formulate and develop the theory. In order to understand the theory of crisis correctly it is essential to combine several lines of thought. The acceptance of them inevitably leads to exactly the same explanation of cycle. Moreover, the theory has a unique terminology and is rather cause-effect than functional theory.

The revival of school since 1970s has been taking place under condition of disagreement about causes of crisis in mainstream economics. It allowed making a contribution to the theory with fruitful ideas by contemporary generations of the school. Besides, modern followers of school are committed to its basic methodological principles.

Keywords: methodological subjectivism, methodological individualism, austrian school, economic cycles, boom bust economy, malinvestment, capital structure.

JEL classification: В 130, В 250, В 410, В 530, Е 320.

© Ковалёв А.В., 2015

© Институт экономики РАН, 2015

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА I. Методология австрийской школы.....	7
1.1. Методологический индивидуализм.....	7
1.2. Методологический субъективизм.....	9
1.3. Рыночный процесс vs. экономическое равновесие.....	11
1.4. Homo Economicus или Homo Institutionalіs?.....	14
ГЛАВА II. Австрийская теория бизнес-цикла: большая мозаика.....	18
2.1. Общая теория благ и теория ценности.....	18
2.2. От теории денег к фидуциарным средствам обращения.....	21
2.3. Экономический расчет и система относительных цен как регулятор межотраслевого распределения ресурсов.....	23
2.4. Ставка процента, «окольные» способы производства и структура капитала.....	24
2.5. Соединяя линии мысли: инфляция денежной массы как основа «бум-крах» экономики.....	27
ГЛАВА III. Перспективные направления исследования.....	33
3.1. Экономическая история.....	33
3.2. Менеджмент.....	35
3.3. Корпоративные финансы.....	35
3.4. Другие направления.....	36
Вместо заключения.....	42
Литература.....	43

ВВЕДЕНИЕ

Глобальный финансовый кризис начала XXI в. остро обнажил целый ряд проблем современного мира. Поначалу мне представлялось, что кризис — это вызов правительствам, которые не только не смогли обеспечить проведение адекватной экономической политики, но и после десятилетий нагнетания объемов государственного вмешательства в экономику в момент, когда та обвалилась, с легкостью обвинили во всех грехах «свободный рынок» — мол, недорегулировали.

Позже акцент вставшего перед развитием мира вызова я перенес на бизнес. Насколько предприниматели и собственники готовы принимать на работу и допускать к анализу экономических явлений тех, кто обладает *свежими* знаниями? Насколько бизнесмены готовы участвовать в *подготовке* будущих менеджеров? Насколько бизнес готов к самостоятельным действиям, а не зарабатыванию путем сращивания с властными структурами и «выбивания» себе неких преференций?

В процессе размышлений и данный аспект кризиса пришлось отодвинуть на задний план. Кризис — это вызов прежде всего экономической науке, которая оказалась неспособной ни объяснить причины кризиса, ни предложить меры по выходу из него. Впрочем, кризис экономической науки сами экономисты констатировали задолго до кризиса хозяйственной практики (см., например, *Полтерович*, 1998). При этом можно говорить, что болезнь экономической науки протекает сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, это кризис методологии. Применяемые методы познания за агрегированными показателями скрыли Человека — единственную ценность, имеющую значение для настоящей науки. Пропедевская в последние годы в русскоязычном мире дискуссия о

методологии показала немало перспективных направлений ее развития (Рубинштейн, 2012, 2015; Автономов, 2014).

Во-вторых, это кризис теории. Усложнение математического аппарата науки привело к упрощению предпосылок анализа и к исчезновению из поля рассмотрения экономической науки тех явлений (а из языка науки тех категорий), которые оказались излишними в рамках подобной парадигмы. В научном мейнстриме исчезли даже такие фундаментальные категории, как «собственность» (считается, что первоначальное распределение прав собственности всегда будет скорректировано должным образом) и «капитал» (допущение о его гомогенности привело к единой производственной функции, и стало неважно его распределение по отраслям, поскольку при таком допущении в любой момент можно произвести перелив капитала из неблагополучных отраслей — и проблем в экономике как ни бывало!). Наиболее ярко теоретические изъяны мейнстрима обнаруживаются при объяснении ими хозяйственных кризисов. Представляется, что ошибочность объяснения причин кризиса главенствующими теориями необходимо подчеркивать в особенности, поскольку выводы из этих теорий требуют проведения экономической политики, которая не только не отдаляет спад, но и наоборот — усугубляет его.

В-третьих, кризис поразил и экономическую педагогику. Погоня за умением владеть эконометрическим исследовательским аппаратом в ущерб причинно-следственному анализу привела к тому, что в соответствии с Докладом Комиссии по докторскому образованию, созданной Американской экономической ассоциацией, 68% участников академических программ считали неважным для профессионального успеха понимание реальных экономических проблем, предпочитая знание моделей: «Комиссия опасается, что докторские программы могут выпускать поколения экономистов, разбирающихся только в узкой области знаний и квалифицированных в технических деталях, но невежественных в реальных экономических вопросах...» (цит. по: Тумилович, 2003). Подобная расстановка приоритетов подготовки специалистов привела к построению академической иерархии: «наверху «чистые» математики, а внизу — экономисты, ориентированные на качественный анализ» (Усанов, 2009). При этом, как отмечал австралийский профессор Steven Kates

в своей лекции «Why Your Grandfather's Economics Was Better Than Yours?», изданной позже в виде статьи (Kates, 2010), причиной упадка уровня преподавания науки стал упадок самой теории.

Развитие экономической теории в XX столетии изобиловало причудливыми зигзагами. Австрийской экономической школе удалось на основе солидного методологического фундамента и реалистичных предпосылок выстроить теоретическую систему, в центре которой находился Человек действующий, и в части экономики, относимой сегодня к разделу микроэкономики, идеи школы стали общеразделяемыми и растворились в рамках тогдашнего мейнстрима. И в части макроэкономической идеи школы в момент зарождения данного «подраздела» науки в 1930-е гг. были веской альтернативой Кейнсу — однако упадок школы, вызванный целым рядом обстоятельств (потеря институционального ядра — Венского университета, и эмиграция лидеров школы, возникновение профессии «правительственного экономиста», требующей обоснования вмешательства в экономическую систему и др.), привел к исчезновению ее идей из учебного и научного дискурса.

Между тем, теория экономического цикла австрийской школы (далее — АТБЦ — австрийская теория бизнес-цикла) не просто наиболее полно встроена в общую экономическую теорию, но и полностью соответствует своим методологическим основаниям.

В настоящем докладе изложен взгляд на то, как стартуя с определенных методологических предпосылок, австрийская школа выстраивает свою теоретическую систему, на вершине которой — непротиворечивая теория цикла.

Методология австрийской школы

Методология австрийской школы включает в себя три ключевых аспекта: методологический индивидуализм, методологический субъективизм и отказ от концепции рыночного равновесия в пользу анализа рыночного процесса.

1.1. Методологический индивидуализм

Методологический индивидуализм представляет собой такой подход к анализу социально-экономических явлений, при котором любое из них может быть объяснено в терминах поведения индивида (планы, привычки, действия и т.п.). Действуют только индивиды, социальное целое в традиции методологического индивидуализма всегда рассматривается как результат индивидуальных действий. При этом у социальной группы не может быть ни «самостоятельных» целей, несводимых к целям индивидов – участников группы, ни «коллективного разума».

Методологический индивидуализм означает отказ от использования агрегированных показателей как аналитического инструмента. Не бывает причинно-следственных зависимостей между макроэкономическими переменными – для познания законов нужно обратиться к мотивам, движущим поведением людей.

Боязнь строгого следования принципу методологического индивидуализма в экономической теории проистекает из понимания, что поскольку многие макроэкономические постулаты несводимы к микроэкономическим, придется «распрощаться со всей общепризнанной макроэкономической теорией» (Блауг, 2004). Существующая макроэкономическая теория как раз и не признается сторонниками методологического индивидуализма, поскольку невозможно говорить о «поведении экономики как единого целого».

Основатель австрийской школы Карл Менгер так описывает свой метод исследования: «... мы старались свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению, приложить к последним соответствующую их природе меру и с установлением ее снова показать, как сложные хозяйственные явления закономерно развиваются из своих элементов... метод ... является общим для всех наук, основанных на опыте, и ... должен быть назван эмпирическим» (Менгер, 1984). Упрощение анализа до действий отдельного индивида в теоретической системе австрийской школы не означает «скатывания» к методологическому атомицизму (Ковалёв, 2015а). Исходным постулатом школы является человеческое действие, которое встраивается в систему «цель – средства» (Гребнев, 2007). Любое упрощение в традиции школы обязательно сопровождается последующим рассмотрением взаимодействия людей в процессе обмена.

Ярким примером применения Менгером принципа методологического индивидуализма является анализ цены. Сначала Менгер выводит различие в величине ценности благ из познания человеком различного значения, какое имеет для него удовлетворение различных потребностей – и ценность любой части имеющегося у человека запаса блага определяется «значением, которое имеют для него наименее важные из всех удовлетворений потребностей, обеспеченным всем количеством (благ) и зависящие от этой (последней) части» (Менгер, 1984, с. 110). Определив предпосылки, с которыми человек вступает в процесс обмена, Менгер переходит к анализу более сложных человеческих взаимодействий – сначала группы людей на корабле, а затем и к анализу общих условий и пропорций обмена между людьми, обладающими разными благами. Представляется неверным упрекать его и австрийскую школу в «атомицизме» – наоборот, все они «рыночники» и институционалисты.

Людвиг Мизес подкрепляет тезис об отказе от атомицизма как метода следующим образом: «Мы не утверждаем, что изолированное автаркичное человеческое существо жило когда-либо... Биологическое очеловечивание предков людей и возникновение примитивных общественных обязательств (начальных институтов? – А.К.) происходило в рамках единого процесса. Человек по-

является на сцене земных событий как общественное существо. Изолированный асоциальный человек является вымышленной конструкцией» (Мизес, 2008).

Теория социальных институтов австрийской школы также по определению не вписывается в рамки редукционизма и атомизма. Институты (деньги, право, язык, рынок) выступают как «спонтанные порядки», возникающие в результате человеческого действия, но не человеческого замысла. Подробнее взгляд на процесс формирования института денег будет изложен ниже, здесь же хочется отметить, что школа разделяет позицию, согласно которой искусственные попытки правительства «улучшить» общественные институты, как правило, обречены на неудачу, и уж тем более нельзя придумать и реализовать некое «общество», более совершенное, чем существующее.

1.2. Методологический субъективизм

Методологический субъективизм означает, что в процессе анализа человеческого взаимодействия или институтов в экономической науке исследователь должен отталкиваться от субъективного значения, приписываемого данному действию со стороны самого анализируемого индивида, а не анализирующего. Отличной иллюстрацией невозможности иного подхода является пример, когда исследователь не может понять логику обмена двух туземцев, один из которых отдает ведро «полезной» рыбы, получая взамен горсть «бесполезных» ракушек, если не допустит, что ракушки являются для данного туземца деньгами. Получается, что в процесс анализа анализирующий вступает с уже сформированной в его сознании «классификацией объектов», потому любая трактовка человеческого действия является неким «актом интерпретации» со стороны исследователя.

Поскольку любая социальная целостность создается «актом интерпретации» самого исследователя, а не бывает дана в готовом виде, «общественные науки поэтому не претендуют на то, чтобы открывать путем эмпирических наблюдений законы поведения или изменения таких целостностей» (Хайек, 2000, с. 84).

Субъективизм австрийской школы особенно ярко проявляется в подходе к категории «ценность» и в концепции знания.

В учении Менгера ценность представляет собой *суждение* человека о значении блага, причем ценность субъективна и по своей сути, и по мере – очевидно, что она не может быть измерена, сравнена у разных людей, с ней нельзя оперировать математическими функциями и т.п.

Для анализа концепции меры ценности Менгер использует распространенный в среде экономистов методологический прием – «робинзонаду». Поскольку в его теоретической системе ценность есть «суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ» (Менгер, 1984, с. 101), то для понимания *сущности* ценности совсем не обязательно изолировать или переносить человека на необитаемый остров. Однако подобный прием позволяет убедительно объяснить идею *меры* ценности благодаря соблюдению принципа методологического субъективизма.

Ценность субъективна по своей мере – т.е. каждый индивид придает разное значение тому или иному количеству находящегося в его распоряжении блага. Менгер иллюстрирует меру ценности тем, что Робинзон ранжирует свои потребности в пресной воде и, естественно, разному запасу воды придает значение в соответствии с важностью той или иной потребности, которая данным количеством еще может быть удовлетворена. У читателей не возникает несогласия с подобным ранжированием, поскольку каждый из нас, будучи поставленным в ситуацию Робинзона, имел бы сходную с ним цель – выжить – и, соответственно, сходную структуру потребностей (Ковалёв, 2008а). Но, как только субъективность меры ценности показана, Менгер переходит к анализу более сложных взаимодействий, вплоть до анализа пропорций обмена на рынке.

Другое важное преломление субъективизма в австрийской школе – субъективность издержек. Идея альтернативных издержек (opportunity costs) как «второго наилучшего» выбора, от которого отказывается субъект экономики ради того выбора, который он сделал, при последовательном применении неизбежно приводит нас к пониманию, что у каждого из нас своя индивидуальная их шкала. Более того, мы не знаем уровень экономических издержек ни одного предпринимателя, поскольку только ему известно, от чего он отка-

зался ради осуществления фактически реализуемого бизнес-проекта. Естественно, такой подход исключает возможность «объективной» оценки и издержек, и успешности инвестиционного проекта, а потому заменяется банковской ставкой процента как «всем доступной альтернативой» и в моделях равновесия (Гребнев, 2007), и для обоснования экономической политики (Кузнецов, 2002).

Важным аспектом субъективизма в традиции австрийской школы является вопрос об экономическом расчете. Дискуссия о нем при социализме – одна из ярчайших страниц в теоретическом наследии школы. Любая попытка заменить предпринимателей и владельцев капитала, принимающих решения о направлениях его размещения по отраслям, чиновником Госплана или «действующим как предприниматель» директором государственного завода обречена на провал (см. подробнее: Ковалёв, 2008b). Восприятие цены, рисков, ожидаемой доходности исключительно субъективно и не может «проигрываться» другими акторами с теми же по эффективности результатами, как и акторами в реальной жизни.

Шире вопрос об экономическом расчете может трактоваться как вопрос о субъективности знания.

1.3. Рыночный процесс vs. экономическое равновесие

В традиции австрийской школы любое знание субъективно – и этот методологический посыл выбивает основание из-под концепции общего экономического равновесия.

Формальный равновесный анализ неоклассической экономической теории может что-либо сказать о причинных связях в реальном мире, только «ответив на вопрос о том, как приобретаются и передаются знания» (Хайек, 2000, с. 55). Неоклассическая теория исходит из того, что информация является некой «объективной данностью» (даже в качестве одного из условий совершенной конкуренции фигурирует полнота информации всех участников рынка). Тогда для достижения равновесия необходимо, чтобы все люди следовали неким заранее разработанным планам, а также, чтобы все они были составлены в ожидании одного и того же ряда внешних событий, что само по себе нереально. Кроме того, любая перемена, заставляющая человека пересмотреть план, подрывает равновесное

отношение между действиями, которые он осуществлял до и после этого изменения знаний.

Индивидуальные наборы субъективных данных различны — никакого объективного знания не может быть, потому что оно никому не может быть дано в полном объеме: «знание обстоятельств ... никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но только в виде рассеянных частиц неполных и зачастую противоречащих знаний ... индивидов» (Хайек, 2000, с. 89). Знание распространяется постепенно, и «движение к равновесию» может осуществляться только методом проб и ошибок, когда каждый человек корректирует свои ожидания и действия на основе вновь получаемого знания, *возникающего*, формирующегося в рыночном процессе.

Изложенное понимание знания приводит к двум важным выводам. Во-первых, о неустранимости главной неопределенности в экономике — необходимости сегодня предугадать завтрашний спрос и начать производство. Во-вторых, предпринимательские ошибки неизбежны и внутренне присущи экономике, и в том числе и поэтому никакого равновесного состояния не бывает.

Австрийская школа отказывается от претензий на «точное количественное прогнозирование». В рамках методологии школы это абсолютно логично: ученый не может знать информацию, доступную предпринимателю и просто «человеку действующему» (она субъективна), а значит, верификация теории не может быть построена на основе эмпирических фактов: «... специфические теоремы (экономической науки) не доступны для какой-либо верификации или фальсификации на основе опыта» (Мизес, 2008, с. 809). Экономическая наука может предсказать только качественные тенденции развития.

Л.Лахманн считает, что нельзя ставить вопрос даже о тенденции к равновесию: быстрота, с которой одни элементы хозяйственной системы приспособляются к изменениям, выше, чем скорость приспособления остальных к предыдущему изменению. Постоянные изменения информации ведут к калейдоскопичности экономического мира — ни одно его состояние не повторяется, причем все эти состояния неравновесны (*Expectations and the Meaning of Institutions...*, 1994).

Предметом экономической науки в традиции школы является деятельность человека в системе «цели – средства», причем и то, и другое не являются застывшими данностями и неизвестны исследователю.

Отказ от анализа вымышленного состояния равновесия позволил австрийской школе сконцентрироваться на модели предпринимательского процесса, «гораздо более содержательной, имеющей более общий характер и намного лучше объясняющей реальное общество» (*Уэрта де Сото, 2007*).

В широком смысле предпринимательство – любая деятельность по изменению настоящего в целях достижения будущих целей – совпадает с понятием «человеческая деятельность». В узком смысле предпринимательство связано с необходимостью «открывать и подмечать возможности для достижения какой-либо цели, получения прибыли или выгоды» (*Уэрта де Сото, 2011, с. 66*). В этом смысле предприниматель по определению должен постоянно находиться в состоянии бдительности, и очевидно, что любая информация, как вновь получаемая, так и имевшаяся у него, подлежит постоянному пересмотру и переоценке, исходя из его оценки новых появляющихся (и исчезающих) целей и возможностей, а следовательно, субъективна по своему смыслу. Знание предпринимателя – практическое, а не научное, эксклюзивное, рассеянное, неявное, но при этом может распространяться посредством сложных социальных процессов.

Предприниматель может не только получать прибыль, но и совершать ошибки и нести убытки. В этом смысле важно отметить, что корректировка действий происходит в реальном времени, причем не дискретно, а перманентно. Концепция времени чрезвычайно важна для объяснения экономических циклов: наблюдаемое несоответствие объемов спроса и предложения различных товаров вызвано в том числе и принципиальной невозможностью точного предсказания первого в момент времени (прошлого в смысле логического времени), когда начато производство какого-либо товара – любое производство требует времени.

Концепция предпринимателя может быть распространена и шире – на понимание Человека в австрийской традиции.

1.4. Homo Economicus или Homo Institutionalis?

Австрийскую школу невозможно отнести к разделяющим концепцию Homo Economicus, наоборот, она не поддерживает ни одну из предпосылок такого взгляда на человека в экономике, выделяемых исследователями:

- модель рационального (ограниченно рационального) экономического агента;
- агентам вменяется принцип максимизации, определяющий экономическое поведение агентов рынка в соответствии с категорией субъективной полезности;
- необходимым является наличие конкуренции (в разных видах) между агентами;
- предусматривается возможность достижения рыночного равновесия, т.е. постулируется рост предельных издержек по мере постепенного увеличения выпуска, или «закон убывающей отдачи» факторов производства (Кирдина, 2013).

Рациональность человека в концепции школы заключается не в том, что он представляет собой некую «вычислительную машину по максимизации полезности», а исключительно в субъективном смысле — все, что человек делает, в момент совершения действия было для него рациональным, разумным действием. Но человек этот может ошибаться — и при этом исправлять свои ошибки (или то, что он считает ошибкой).

Никто из участников рыночного процесса не обладает никакой полной информацией об условиях его осуществления. Более того, никакой «объективной информации» не существует — только «обстоятельства места и времени», известные предпринимателю, позволяют ему организовать то или иное предприятие для присвоения экономической ренты. Наконец, знание никогда не бывает дано в некоем готовом виде — оно формируется в рыночном процессе.

Еще в меньшей степени можно приписывать австрийской школе разделение концепции рыночного равновесия. Наоборот, начиная с Менгера, который отказывается от понятия «равновесная цена», а говорит лишь о возможном диапазоне цены в зависимости от ценности товара для покупателя и продавца, в традиции шко-

лы — анализ реальной экономики, а не вымышленного состояния равновесия. О невозможности его достижения говорилось выше.

Таким образом, ни один из постулатов не соответствует идеям школы.

Рассматриваемого в австрийской традиции человека следовало бы назвать Человек Институционализованный (*Homo Institutional*). По устоявшемуся определению (*Ходжсон, 2000*), институционализованность заключается в воздействии институтов на формирование личности и проявляется в нестатичности предпочтений и потребностей. Австрийская школа никогда и не отрицала такого воздействия и постоянных изменений. Так, Менгер утверждал: «человеческие потребности способны развиваться до бесконечности», «наблюдая людей в их предусмотрительной деятельности, направленной на удовлетворение их потребностей в будущем, мы можем легко убедиться, что они далеки от того, чтобы оставлять без внимания способность потребностей к развитию» (*Менгер, 1984*).

Кстати, и «робинзонада» использует не какого-то дикаря, живущего изолировано, а цивилизованного человека с имеющимися у него техническими знаниями, культурными привычками и навыками хозяйственной деятельности, которые он получил в цивилизационном институциональном окружении.

Представляется, что исходной категорией теоретической системы школы является «человеческое действие», рассматриваемое сквозь призму институционального окружения: культуры, права, традиций, привычек. «Экономическая наука изучает реальные действия реальных людей. Ее теоремы не относятся ни к идеальному или совершенному человеку, ни к призраку мифического экономического человека (*homo oeconomicus*), ни к статистическому понятию среднего человека (*homme moyen*). Человек со всей его слабостью и ограниченностью, любой человек, как он живет и действует, является предметом каталактики» (*Мизес, 2008, с. 610–611*).

Более того, каждый человек принимает участие в создании общественных институтов. Объяснение эволюции институтов как спонтанных порядков австрийская школа черпает в шотландской традиции Фергюссона, который считал, что они есть «результат человеческого действия, но не человеческого замысла» (цит. по: *Хайек,*

2006, с.7). Именно отбор самими людьми «правильных практик» создает спонтанные порядки. Эволюционный подход австрийской школы применен и при анализе распространения знаний в обществе — ведь оно происходит именно в рамках системы существующих институтов, что только подтверждает институциональность человека в представлении австрийской школы.

Следует отметить, что невозможно представить себе ни одно исследование австрийской школы, где бы институты не выступали основой целостности экономической или социальной системы. Кроме ставшего для приверженцев классического примера с деньгами как социальным институтом позволим сослаться на исследование Г.Г. Сапова «Собственность: условие человеческой деятельности и юридическая категория», в котором автор трактует собственность не как экономическое или правовое явление, а как гораздо более широкое условие человеческой деятельности как таковой (Сапов, 2004).

Ф.Хайек подчеркивал, что именно институты формируют устойчивость общества: «Многие общественные институты, представляющие собой необходимое условие успешного достижения сознательных целей, по сути дела, являются результатом обычаев, привычек или установившихся практик, которые не были изобретены и соблюдаются без преследования какой-либо цели» (Хайек 2006, с. 30).

Внимательное прочтение Менгера позволяет увидеть, что именно он первым из экономистов поставил вопрос о необходимости развития экономической науки как науки об эволюции институтов: проблема социальных наук — объяснить, как «могут возникать институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без общей воли, направленной к их установлению; какова природа этих социальных явлений и каким образом можем мы достигнуть полного понимания их сущности и их движения» (Менгер, 1894, с. 61–62).

В целом можно говорить о значительном сходстве методологии австрийской школы и институционализма (Ковалёв, 2011). При этом если и «старая» институциональная теория, и НИЭТ (новая институциональная экономическая теория) сосредоточивались на отдельных направлениях исследования, то австрийская школа

построила полнообъемную экономическую теорию, вершиной которой является АТБЦ.

На наш взгляд, важной причиной жизненности теории являются и реалистичность применяемой школой методологии, и условия анализа, гораздо более приближенные к реальности по сравнению с другими школами экономической мысли: признание денежной экономики, учет фактора времени, сущностный характер формирования ожиданий субъектов хозяйствования, концепция рассеянного знания, разнородность капитала.

Австрийская теория бизнес-цикла: большая мозаика

Объяснение экономического цикла австрийской школой можно представить как сочетание нескольких линий мысли экономической теории школы, принятие которых неизбежно приведет именно к такому объяснению. В основании АТБЦ лежат менгеровская теория благ и теория ценности, теория капитала и процента Е.Бём-Баверка, теория естественной ставки процента К.Викселя, мизесовская теория денег и фидуциарных средств обращения и хайковская теория структуры капитала. При этом каждое из означенных направлений опирается на один или несколько методологических посылов, рассмотренных в первой главе.

2.1. Общая теория благ и теория ценности

Основоположник школы Карл Менгер начинает «Основания политической экономии» главой «Общее учение о благе», в которой закладывает две методологические установки, без которых нельзя познать экономические законы:

- блага нельзя подвергать никакой объективистской классификации – их значение и роль зависят только от восприятия этих функций конкретными людьми;
- вся деятельность человека осуществляется в системе «цели – средства», причем и то, и другое не есть застывшая данность, известная исследователю, и главная причинная связь в экономике – связь между благами и удовлетворением потребностей.

На основе этих посылок ему удается построить стройную систему понятий, объясняющих взаимосвязь потребностей и средств, их удовлетворяющих.

Полезности – предметы, которые обладают способностью быть поставленными в причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей, а поскольку мы познаем эту связь и в то же

время обладаем властью применить данные предметы к удовлетворению наших потребностей, мы называем их *благами*. Жители племени, недавно открытого в Амазонии и живущего в отрыве от общения с остальным миром, очевидно испытывают потребность в связи на больших расстояниях — но, получив пару сотовых телефонов, они вряд ли будут способны познать причинно-следственную связь между двумя пластиковыми светящимися игрушками и возможностью говорить с человеком, находящимся на дальней охоте за десятком километров. Таким образом, телефон будет для них полезностью, но не благом.

Блага могут удовлетворять наши потребности прямо и опосредованно. Наше благосостояние зависит от удовлетворения потребностей — и потому обеспечено, если мы имеем в своем распоряжении блага, необходимые для их непосредственного удовлетворения. Такие блага Менгер называет *благами первого порядка*. Например, хлеб.

Блага второго порядка — те, которые нужны для производства благ первого порядка: в нашем примере мука, соль, топливо, приспособления и орудия для производства хлеба и квалифицированный труд данной деятельности. Блага третьего порядка и иных высших порядков — аналогично. *Все блага высших порядков* обращаются на рынке наряду с благами первого порядка только потому, что люди познали причинную связь производства с их помощью благ первого порядка — они *опосредованно* удовлетворяют наши потребности.

Блага высших порядков являются благами только тогда, когда существуют комплементарные, необходимые для производства благ на 1 порядок ниже. Например, если нет топлива для производства хлеба, то не нужен ни труд пекаря, ни мука. Особую важность на каждом «уровне» экономики имеет, по Менгеру, необходимый вид труда.

Деятельность по преобразованию благ высших порядков в блага низших порядков называется *предпринимательством*.

Производство проистекает в реальном времени (мгновенно ничего не происходит), поэтому блага высших порядков получают свой характер благ не по отношению к сегодняшним, а к будущим потребностям.

Подобная неопределенность (неуверенность в количестве и качестве продукта, которым мы располагаем в виде соответствующих благ высших порядков) и порождает риск производства. С исчезновением потребности исчезает и характер блага первого порядка, и соответствующих благ высших порядков — и чем ближе благо в «цепочке» к потребности, тем тяжелее использовать его в какой-либо иной производственной цепочке.

Когда хозяйственные отношения народа высокоразвиты, то различные комплементарные блага находятся в распоряжении различных лиц — и нужна координация для организации производства.

Такую же стройную систему Менгер выстраивает для краеугольной экономической проблемы — вопроса о сущности и мере ценности товара.

Надобность в благах — количество, необходимое для удовлетворения какой-либо потребности.

Если «надобность превышает доступное распоряжению количество благ» люди должны «сделать выбор между наиболее важными потребностями» и «достичь путем целесообразного употребления благ возможно большего результата». *Такая деятельность называется хозяйством, а блага — хозяйственными.*

Наконец, *ценность* — это «суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ». Менгер не применяет вменяемого ему понятия «предельная полезность» за ненадобностью: ценность — суждение, которое не может быть подвергнуто никакой объективизации!

Ценность субъективна не только по существу, но и по мере! У каждого человека своя шкала ценности. При этом можно выделить *ценность в потреблении* и *ценность в обмене* — и если последняя для человека выше, он будет стремиться обменять данный товар на другой. В процессе взаимодействия людей в обмене возникает система цен — пропорций обмена, при этом ценность благ высших порядков зависит от ценности производимых с их помощью благ первого порядка, а не наоборот!

Оценивая вклад Менгера в науку, Й. Шумпетер отметил, что «главнейшим достижением Менгера является стремление создать теорию цен всех хозяйственных благ с помощью одной главной идеи — субъективной ценности» (Шумпетер, 2001).

2.2. От теории денег к фидуциарным средствам обращения

Австрийская школа стоит на позиции, которую можно выразить сентенцией «Деньги имеют значение». Действительно, придумать дихотомию можно только в мысленном эксперименте: мол, сначала проанализируем «реальный» сектор, а потом дополним анализ деньгами, которые ничего, кроме превращения реальных переменных в номинальные, не дадут¹. Хотим мы этого или нет — мы живем в денежной экономике, где в каждом акте обмена товары меняются на деньги. Потому вопрос о сущности денег представляется чрезвычайно важным.

Наибольший вклад в теорию денег австрийской школы внесли Менгер и Мизес. Первый сформулировал эволюционную теорию возникновения денег и теорию происхождения их ценности, второй решил проблему «замкнутого круга» ценности денег через теорему регрессии.

Вкратце теорию возникновения денег можно изложить следующим образом. Прямой обмен (товара, который у человека имеется, на товар, который ему необходим) весьма затруднителен. На каждом рынке существует товар, обладающий наибольшей способностью к сбыту, и каждый участник рынка для продвижения к своей конечной цели начинает использовать такой товар в качестве посредника в обмене. Возникает косвенный обмен. По мере того, как сфера распространения применения товара с наибольшей способностью к сбыту расширяется, его главнейшей функцией становится не «природная», присущая ему изначально, а именно функция средства обмена — и он начинает играть роль денежного товара. Таким образом, деньги как социальный институт были не придуманы каким-то гениальным или коллективным разумом, а отобраны в результате миллиардов человеческих действий, и ярким доказательством этого факта является то, что у разных народов роль денег выполняли *разные* товары.

Как и у любого другого товара, ценность денег зависит от удовлетворения ими потребности людей (в данном случае — от вы-

---

1. Вальрасу подобный подход был важен, поскольку при наличии денег возникала ситуация N товаров и их цен как независимых переменных и $(N-1)$ уравнений, не позволяющих решить данную систему.

полнения ими важнейшей народнохозяйственной функции средства обращения, в результате чего снижаются издержки обмена) — поэтому функция меры ценности есть производная функция, как и все остальные функции, приписываемые деньгам исследователями. При этом исключать деньги из общего подхода к зависимости ценности товара от имеющегося количества представляется неверным — при их излишнем количестве функция средства обращения начинает выполняться плохо (легко вспомнить конец 1980-начало 1990-х гг.), и такое положение дел немедленно сказывается на ценности самих денег.

Отбор в качестве денег в средиземноморской цивилизации золота и серебра несет в себе еще один интересный посыл для исследователей. Обычно мы говорим о наличии технических требований к товару в роли денег (делимость, однородность, компактность), забывая о требовании экономическом. А уж не ненасыщаемость ли потребности в украшениях обеспечила металлам большую устойчивость ценности в их «природной», изначальной роли по сравнению с предметами первой необходимости, также выполнявшими функцию денежного товара, что и позволило вытеснить последние из этой роли?

Таким образом, деньги — товар, принимаемый участниками обмена в качестве универсального средства обмена. Но как измерить ценность денег? Их покупательная способность зависит от спроса публики на деньги и их предложения, но спрос этот люди предъявляют исходя из покупательной способности денег. Данное противоречие Мизес разрешает с помощью инструмента пошагового анализа. Спрос на деньги предъявляется на основе не сегодняшних, а вчерашних цен, вчерашней ценности денег, и пошаговое движение назад приведет к моменту, когда деньги функционировали в качестве «природного» товара и имели свою ценность именно как товары. Подробнее про теорему регрессии можно прочесть в статье Дж.Салерно (*Салерно, 2012*).

Увеличение количества денег по сравнению со спросом на них будет приводить к стремлению людей обратить «излишние» денежные средства в иные активы: потребительские товары, приобретение акций (облигаций), откладывание денег в депозиты (расширение бизнеса); это сопровождается формированием феномена

процентной ставки как общественной оценки соотношения ценности настоящих и будущих благ.

Развитие денежной системы общества в последние несколько столетий прошло путь отказа от денег в полном смысле этого слова в пользу их неполноценных заменителей (подробнее см.: *Ротбард*, 2008). Возникновение банковской системы сопровождалось возможностью выпуска большего количества заменителей по сравнению с доверенными банку депозитами. При этом юридический анализ (*Уэрта де Сото*, 2008) показывает, что в отношении денег произошла подмена правовых отношений — договор поклада был заменен договором займа, и такая трактовка со стороны банкиров была поддержана судебными инстанциями, поэтому можно говорить, что в основе современных денежных и экономических флуктуаций лежит *противоправная норма* частичного банковского резервирования. В современном мире дополнение банковской системы институтом Центрального банка с отказом от привязки бумажных денег к размену на золото/серебро создало возможность практически неконтролируемой денежной эмиссии.

Методологически вопрос перетекает в плоскость взаимодействия социальных институтов: один институт (государство) монополизировал другие (деньги и право) и лишил общество возможности воздействовать на них.

2.3. Экономический расчет и система относительных цен как регулятор межотраслевого распределения ресурсов

Для австрийского субъективизма «главный факт, требующий объяснения в экономике, это как акторы, имеющие разные ожидания и знания, способны координировать свое поведение, несмотря на все различия и анонимность на рынках» (*Stringham*, 2010). Подобное взаимодействие обеспечивается системой относительных цен.

В развитой экономике «процессы производства столь многочисленны и столь продолжительны, а условия достижения успеха столь многообразны, что для решения, стоит ли приниматься за дело, нужны тщательные расчеты» (*Мизес*, 1994). Для расчетов нужны некие мерные единицы. Субъективная ценность благ не может быть

измерена. В экономике, основанной на обмене, мерной единицей выступает меновая ценность, выражаемая в деньгах. Денежные вычисления используются ради контроля экономичности использования ресурсов.

В условиях частной собственности на средства производства шкала ценностей является результатом действий каждого независимого члена общества. В результате возникает система денежных цен — и «выгодность» того или иного производства покоится на общественной оценке: все блага высших порядков ранжируются и направляются в те сферы производства, продукты которых соответствуют требованиями людей.

Чтобы денежная калькуляция стала возможной необходимо, чтобы существовал рынок как конечных потребительских благ, так и благ высших порядков и чтобы были деньги: «предположение, что социалистическое общество может вместо денежных расчетов использовать расчеты в натуральных показателях, совершенно иллюзорно. В обществе, которое отказалось от обмена, расчет в натуральных показателях способен охватить разве что потребительские блага. Такой расчет непригоден там, где замешаны блага более высокого порядка. Как только общество отказывается от установления свободных цен на производственные блага, рациональная организация производства делается невозможной» (Мизес, 1994).

Проблема экономического расчета не сводится к вопросам текущего управления; главная проблема заключается в необходимости перераспределения капитала из одних производственных цепочек в другие. Эти вопросы решают не менеджеры, а капиталисты, принимающие решение, кому доверить свой собственный капитал.

Таким образом, именно система цен выполняет анонимную сигнальную функцию для всех предпринимателей, указывая на перспективные точки приложения капитала.

2.4. Ставка процента, «окольные» способы производства и структура капитала

Время представляется наиболее значимой экономической категорией, поскольку являет собой и ресурс (и уж не основной ли?), и основную цель человеческой жизни.

Стандартно критерием развитости общества выступает обилие материальных и нематериальных благ. Но их становится тем больше, чем более эффективно их производство, т.е. чем за меньшее время мы можем произвести то или иное благо. Это, в свою очередь, означает, что чем меньше усилий мы прилагаем для достижения намеченного уровня благосостояния, тем выше этот уровень, поскольку ценность свободного времени будет дополнять ценность имеющихся благ. Критерием развитости общества в австрийской традиции выступает количество свободного времени², и это первое основание для положительной ценности времени.

Экономический характер благ высших порядков обусловлен наличием такового у благ низшего порядка. Одной из главных ошибок экономической науки является путаница причины и следствия. Ценность благ проистекает не из того, что на производство их затрачены блага высших порядков, наоборот, ценность благ высших порядков берет свою основу от благ первого порядка.

В эту ошибку впадает и де Сото: «Чем больше времени требует действие (т.е. использование все большего количества капитала в производстве), тем большую ценность имеет результат для действующего лица». На самом деле человек соглашается на использование результатов длинных действий только потому, что издержки изготовления блага становятся меньше, а ценность завтрашнего потребления для него все равно ниже сегодняшнего. Ведь невзирая на то, что эффективность капиталистических способов производства (Бём-Баверк назвал их «окольными») выше, зачастую используются некапиталистические короткие способы производства, дающие результат быстрее! Однако снижение ценности сегодняшнего потребления будет способствовать росту сбережений и переходу к более капиталистическим методам производства.

Переход общественного производства к капиталоемким его методам может быть объяснен исключительно тем, что последние обеспечивают более дешевое производство благ. Для перехода к таким методам необходимо накопление капитала, обеспечиваемое за счет сбережений и отказа от текущего потребления.

---

2. В этой связи интересно посмотреть на продление срока человеческой жизни как цели – факты таковы, что одновременно с развитием общества и рабочий день сокращается, и продолжительность жизни увеличивается.

Капитальные блага — это все блага высших порядков, и люди, которые их предоставляют экономике, — капиталисты (в этом смысле Робинзон, сберегающий часть зерна в качестве семян будущего урожая, — и капиталист, и предприниматель)³. Главнейшее условие появления капитальных благ — сбережение (затрата благ, которые можно употребить сегодня, в пользу будущего потребления). Чем больше объем капитальных благ и разветвленная структура капитала в экономике, чем «длиннее» производственные цепочки, тем эффективнее производство потребительских благ.

А поскольку ценность сегодняшнего потребления выше завтрашнего, то сберегать человек будет только за некий процент, скидку на будущие блага.

В ситуации разветвленной структуры производства и рассеянного капитала сбережения предоставляются предпринимателям в денежной форме. Обмен одного экономического блага (пользования капиталом) на другое (например, деньги) образует рынок настоящих и будущих благ, где и образуется процент на капитал.

Рыночная процентная ставка на ссудных рынках не равна по своей сути проценту на капитал, так как включает дополнительно предпринимательскую компоненту и ценовую премию, однако в целом она более или менее согласована с первоначальным процентом, если отсутствуют дополнительные искажения. Кроме того, важно понимать, что рынок капитала гораздо шире кредитного рынка — существует огромный объем капитала, и в каждый момент времени определяется, какая его часть будет функционировать, а какая нет. Естественной Виксель назвал считать ставку процента, которая сложилась бы на рынке заемных средств при «прямом» столкновении владельцев сбережений и предъявителей спроса на капитальные блага.

Очевидно, что в такой экономике уменьшение процентной ставки происходит при росте сбережений, который неизбежно сопровождается сокращением текущего потребления. Банковская система с полным резервированием также не может повлиять на ставку процента, поскольку объем выдаваемых ссуд будет привязан к объему сбережений. Иное дело система с частичным резер-

---

3. В этом смысле семена и труд по их возделыванию уж не первый ли капитал при переходе от собирательства к земледелию?

вированием: в такой системе банковская ставка процента может отрываться от естественной. Вливание в экономику дополнительной денежной массы способно сократить процентные ставки при неизменной пропорции потребления и сбережения.

2.5. Соединяя линии мысли: инфляция денежной массы как основа «бум-крах» экономики

В 1930-е гг. АТБЦ отождествлялась с теорией Мизеса-Хайека, в чьих работах феномен экономического цикла рассматривался под различным фокусом: если Мизес делал упор на институциональные несовершенства экономической системы (возможность необеспеченного выпуска денег банковской системой, ведущая к ошибкам в экономических расчетах хозяйствующих субъектов, жесткость заработной платы и цен), то Хайек, солидаризируясь с денежными аспектами цикла, большее внимание уделял анализу изменения структуры капитала.

Теория цикла Мизеса сформулирована в работе «Теория денег и фидуциарных средств обращения» (Мизес, 2012) и вкратце может быть описана следующим образом.

Целью функционирования экономической системы является максимальное удовлетворение потребностей людей, требующее увеличения производства потребительских товаров. Вместе с тем, отказ от текущего потребления создает возможность направления высвободившихся ресурсов на совершенствование методов производства, что в будущем приведет к росту его потенциала. Таким образом, объем доступного предпринимателям капитала определяется объемом сбережений, которые определяются межвременным предпочтением потребителей. В случае, если бы происходило прямое взаимодействие между владельцами сбережений, предоставляющими заемные средства, и предпринимателями, формирующими спрос на них, установилась бы ставка процента, называемая в теории школы «естественной».

Рынок заемных средств функционирует преимущественно в виде банковской системы. Сложившаяся практика частичного резервирования создает возможность выпуска банковской систе-

мой двух типов денежных заместителей. Те из них, которые «на сто процентов покрыты резервами в виде соответствующих денежных сумм», Мизес называет денежными сертификатами; те же, которые не имеют указанного покрытия – фидуциарными средствами обращения (Мизес, 2012, с. 134).

Увеличение объема фидуциарных средств в экономике по сравнению с доверенными банкам сбережениями вкладчиков и собственными средствами происходит, как правило, в виде «производства» кредитных денег. Дополнительный кредит создает двоякий эффект: во-первых, расширяющие дело предприниматели увеличивают спрос на первичные факторы производства (труд, капитал), что ведет к росту доходов домашних хозяйств и увеличению потребления. Во-вторых, фидуциарный кредит снижает банковскую ставку процента по сравнению с «естественной», что стимулирует инвестиционную активность. Проекты, не являвшиеся прибыльными до банковской экспансии, теперь кажутся таковыми. Инвестиции в такие проекты Мизес называет ошибочными (*malinvestments*). При этом ошибочны они и потому, что сложившиеся условия производства «не могут обеспечить необходимое количество комплементарных факторов производства, и поскольку направлены в производство капитальных товаров, в то время как потребность в потребительских товарах более настоятельна» (Мизес, 2008, с. 521). Борьба за труд как комплементарный ресурс является дополнительным фактором роста заработной платы и, как следствие, – потребительских цен, поскольку дополнительные инвестиции еще не привели к увеличению выпуска конечной (потребительской) продукции.

Очевидно, что в условиях ограниченности ресурсов разрывывание новых инвестиционных проектов неизбежно отвлекает ресурсы из других проектов. Потому дальнейшее развитие может осуществляться по двум сценариям: по первому банковская система продолжает фидуциарное кредитование, цены растут вплоть до начала «бегства от денег», что в конечном счете приводит к коллапсу денежной системы; по второму банки прекращают расширение кредитования, ставка процента повышается, казавшиеся прибыльными проекты оказываются неоправданными, и искусственный бум сменяется экономическим спадом. Спад сопровождается падением цен, всплеском безработицы и незанятостью капитала, «заморо-

женного» в ошибочных проектах (при этом только часть его можно приспособить для настоящих потребностей — капитал неоднороден, для полного приспособления производственной структуры требуется ограничение потребления и методичное накопление нового основного капитала). Дополнительным фактором, препятствующим прекращению депрессии, является политика профсоюзов, направленная на недопущение снижения заработной платы.

Следует отметить, что лидеры школы понимали важность исследования циклов, потому в Вене в 1927 г. был создан Австрийский институт исследования экономического цикла, первым директором которого стал Ф. Хайек.

Исследование межвременной рассогласованности Хайек дополняет по нескольким направлениям (Хайек, 2000, 2008). Он обращает особое внимание на неодновременность получения дополнительных денежных эмиссий различными субъектами хозяйства. Это ставит под сомнение концепцию общего уровня цен и поворачивает исследователей лицом к анализу изменения относительных цен как регулятору направления ресурсов по различным производствам.

Поскольку институциональные аспекты экономики таковы, что основной объем кредитования приходится на инвестиционные проекты бизнес-фирм, постольку первоначально растут цены на капитальные товары, и соответственно, увеличивается их производство. Когда же обнаруживается несоответствие размещения капитала по отраслям, в сторону искажения воздействует дополнительный фактор — предприниматели во что бы то ни стало хотят завершить начатые проекты, чтобы получать от них отдачу, и увеличивают инвестиционный спрос даже при растущих процентных ставках. Однако организация производства требует дополнительных объемов труда, и в условиях их ограниченности происходит «переманивание» кадров с повышением заработной платы. Рост доходов населения увеличивает цены на потребительские блага — начинается обратный перелив капитала.

И Мизес, и Хайек разделяют два варианта расширения производства при искусственном буме, инициированном фидуциарным кредитом. Увеличение производства без удлинения его периода в конкретной отрасли называют горизонтальным расшире-

нием. Если же период производства удлиняется, то речь идет о его вертикальном расширении. Хайек уделяет значительное внимание анализу изменения длительности структуры капитала.

Удлинение структуры капитала означает появление дополнительных стадий производства. Процентные ставки так же, как и относительные цены, выполняют роль координационных сигналов для межвременного распределения ресурсов. Если потребители увеличивают объем «отложенного потребления», возрастает объем сбережений, и на рынке заемных средств «естественная» ставка процента, уравнивающая объем сбережений и инвестиций, понижается. Это ведет к росту инвестиционного спроса и увеличению объема капитала. Эффективность «окольных» (по Бём-Баверку) способов производства выше, поэтому потребители после разворачивания этих процессов получают большее количество товаров, компенсирующее отказ от текущего потребления. При этом чрезвычайно важно то обстоятельство, что удлинение структуры капитала происходит в результате добровольных решений субъектов экономики, и на весь период времени до производства конечных потребительских товаров новыми способами они добровольно ограничивают свой потребительский спрос.

Наглядной иллюстрацией важности такого добровольного отказа может служить процесс селекции новых сортов пшеницы. Выделяя из текущего урожая не только семенной фонд следующего производственного процесса, но и дополнительный — для проведения селекционной работы — мы «соглашаемся» на ограничение текущего потребления. Однако для выведения новых эффективных сортов требуется не один год, и если в любой из них будет неурожай, угрожающий массовым голодом, цена «потребительского зерна» вырастет и «селекционный капитал» возвратится в разряд потребительских благ. Точно такое же воздействие окажут и изменившиеся предпочтения потребителей, если вдруг до выведения новых сортов они захотят потреблять больше хлебобулочных изделий.

Аналогичные процессы удлинения производственной структуры происходят и при «недобровольном» снижении процентной ставки за счет банковской политики. Рост инвестиционного спроса, инспирированный кредитами, побуждает предпринимателей к удлинению производственных процессов, но не со-

проводится отказом от текущего потребления. Более того, снижение процентной ставки ведет к снижению сбережений и росту потребительского спроса. Однако в экономике не существует возможности для увеличения объема производства потребительских товаров — возникает явление, названное Хайеком «вынужденные сбережения». В конце концов рост цен потребительских товаров сделает выгодным их производство, и капитал переориентируется на эти отрасли.

Хайек обращает внимание на «эффект Рикардо», в соответствии с которым применение машин вместо ручного труда зачастую возможно только в случаях повышения цены труда. Данный тезис Хайек интегрировал в теорию цикла следующим образом: увеличение добровольных сбережений сокращает потребительский спрос, цены на потребительские товары снижаются, растет реальная заработная плата, и предприниматели замещают в производственных процессах труд капиталом. Растет выгодность капиталистических (окольных) методов производства — норма прибыли в этих отраслях растет, происходит перелив капитала. Очевидно, что рост потребительских цен, наоборот, делает выгодными трудоемкие методы производства.

Отказ от экспансионистской монетарной политики повышает процентные ставки, что неизбежно ведет и к отказу от искусственно удлиненной структуры капитала. Однако в отличие от примера с селекцией, где зерно как капитальное благо легко может быть перенаправлено в цепочку потребительских товаров, замороженный в длинных производственных цепочках капитал практически невозможно использовать в других производственных цепочках ввиду его неоднородности. Удивительно, но данное обстоятельство не учитывается при анализе экономического цикла другими школами мысли (Ковалёв, 2014, с. 68). То, что в экономике существует простаивающий капитал, не означает, что его много — просто недостаточно оборотного капитала, чтобы завершить начатое разворачивание более капиталистических методов производства.

Таким образом, фаза кризиса является, в соответствии с теорией австрийской школы, неизбежной после искусственного бума и представляет собой период приспособления разбалансированной структуры производства структуре потребностей.

Неизбежность рецессии после фазы бума была одной из причин легкого отказа от АТБЦ в 1930-е гг. М. Фридман выразил данную идею так: «Основная часть того, что преподавалось, почти полностью соответствовала взглядам Мизеса; Хайека... Учили, что Депрессия была необходимым лекарством, которое экономика должна была принять для излечения от всех болезней, вызванных предшествующей экспансией. Это до ужаса мрачный подход. Затем совершенно неожиданно появляется эта привлекательная доктрина из Кембриджа..., предложенная человеком, уже добившимся большой известности... Он говорит: послушайте, мы знаем, как решить эти проблемы, и существующий способ очень прост. Располагая гипотезой, которая говорит вам, почему возникла эта проблема, вы непременно ухватитесь за нее, учитывая, что единственной существовавшей альтернативой была мрачная точка зрения австрийцев» (Сноудон, Вэйн, 2002).

Оценивая причины, по которым АТБЦ не получила всеобщего распространения в 1930-е гг., оказавший неоценимую помощь Кейнсу в распространении его идей благодаря представлению их в виде графической модели IS/LM будущий Нобелевский лауреат Дж.Хикс выделяет две: «В то время, когда работы Хайека и Мизеса о бизнес-циклах печатались на английском, не существовало английской экономической науки; кроме того, их модель была слишком сложной» (Hicks, 1967, с. 204), что не допускало ее упрощенческого преподавания.

Представляется, что ни скепсис неизбежности рецессии, ни ограничения в возможности «тиражирования» правильного знания из-за его сложности не могут быть серьезными аргументами, отвергающими применение непротиворечивой теории цикла для объяснения его причин и поиска инструментов противодействия.

Перспективные направления исследования

Развитие АТБЦ не остановилось в 1930-е гг. Возрождение школы во второй половине 1970-х гг. после присуждения Хайеку Нобелевской премии за работы по теории цикла способствовало тому, что представители ее новых поколений школы дополнили некоторые направления АТБЦ перспективными идеями и концепциями.

3.1. Экономическая история

Методологические установки школы (в частности, гносеологический априоризм) не позволяют использовать примеры из экономической истории в качестве доказательства «правильности» австрийской теории бизнес-цикла.

Крупной работой по тематике экономических циклов и возможностям их объяснения в рамках общих теоретических законов развития стала книга Мюррея Ротбарда «Великая депрессия в Америке» (Ротбард, 2012).

Структура книги включает три логические части: изложение теории экономического цикла австрийской школы, объяснение противоречий в его объяснении другими теориями, рассмотрение сквозь призму теории наиболее известной депрессии XX в.

Ротбард четко разделяет обычные колебания экономической активности (их причиной могут быть разнообразные изменения условий экономического развития — технологические открытия, появление новых ресурсов, природные условия и проч.) и экономический цикл, в основе которого — некая регулярная причина, обуславливающая внезапную всеобщую концентрацию предпринимательских ошибок, объяснение которой Ротбард считает ключевой проблемой теории цикла. (Ротбард, 2012, с. 50) В рамках АТБЦ такой причиной выступает инфляция — необеспеченный выпуск денег банковской системой с частичным резервированием.

При этом депрессия всегда выступает как коррекция ошибок, совершенных на стадии бума.

Ротбард формулирует меры государственной политики, которая в стадии депрессии препятствует быстрейшему восстановлению экономики (Ротбард, 2012, с. 66–68):

- недопущение ликвидации обанкротившихся фирм;
- продолжение инфляции;
- поддержание ставок заработной платы, сложившихся в период бума;
- стимулирование повышения цен;
- стимулирование потребления в ущерб сбережениям;
- субсидирование безработицы.

Рассмотрение непосредственно Великой депрессии автор начинает с подробного анализа инфляционного бума 1920-х гг.: динамики денежной массы, факторов и инструментов ее роста, роли экономической политики, путей искажения процентных ставок и направлений ошибочных инвестиций.

Далее Ротбард анализирует экономическую политику администрации Гувера, доказывая, что принимаемые меры способствовали продлению депрессии. Гувер продолжал инфляцию, высказывая гордость за создание дешевых денег ФРС, расширял программы общественных работ, сельскохозяйственные субсидии (Ротбард, 2012, с. 317–318). Естественно, тенденция нарастания этатизма привела к наступлению на права собственности — в условиях краха денежного обращения повсеместно объявлялись так называемые «банковские каникулы», когда банкам разрешалось не возвращать вклады по законному требованию их владельцев.

Представляется интересным, что Ротбард показал, что «Новый курс» Рузвельта, который якобы вывел экономику США из депрессии (хотя вряд ли можно считать выходом из депрессии положение дел с уровнем безработицы 17,2 % в 1939 г.) (Niskanen, 2009), был продолжением и развитием политики предыдущей администрации.

Применение анализа теории цикла к эпизодам экономической истории можно наблюдать также в работах по экономике Японии (Маэстро бума, 2005), Беларуси (Ковалёв, 2015с), других стран (Каза, 2005).

3.2. Менеджмент

Европейские исследователи Н. Фосс и Л. Лиен в статье «Собственность и конкурентная динамика» (*Foss, Lien, 2010*) сосредоточили анализ на влиянии структуры собственности в современной корпорации на конкурентную динамику и структуру и объем инвестируемого в экономику капитала. Собственность выступает стимулом для предпринимательского поиска, требуя проявления от собственников высоких компетенций. Непроявленная компетенция ведет к аналогичному перераспределению ресурсов, титулов собственности, обеспечивая через конкуренцию собственников рост производительности.

Ковалёв и Малюкович проанализировали взаимосвязь целей корпоративного управления и результативность фирм в условиях кризиса сквозь призму меняющейся роли фондового рынка в условиях денежной инфляции последних десятилетий и изменения практик корпоративного управления — наличия опционов и распыления собственности (*Kavaliou, Malukowitch, 2010*).

3.3. Корпоративные финансы

Еще одним интересным направлением исследования стала попытка объединить концепции экономики и менеджмента. П. Цвик в статье «Австрийская теория бизнес-цикла: взгляд с точки зрения корпоративных финансов» (*Cwick, 2008*) рассмотрел воздействие монетарной политики «дешевых денег» на текущую стоимость вложенного капитала и инспирирование через этого фазы бума, а также проанализировал, каким образом рост процентных ставок и цен ресурсов влияет на стоимость рабочего капитала в фазе спада. Обнаружилось, что рост цен ресурсов даже более значим для начала кризиса, чем рост процентных ставок. Кроме того, снижение цен на капитальные товары в период кризиса не всегда способствует эффективному перемещению капитала в «правильные» производственные цепочки, поскольку он неоднороден. По мнению автора, либерализация законодательства о слияниях и поглощениях улучшит ситуацию. При этом переход капитала от фирмы А к фирме Б должен быть профинансирован реальными сбережениями, а не

новыми кредитами, которые просто начнут разворачивать новый этап бума. Экспансионистская фискальная и монетарная политика не выведут экономику из рецессии.

Концепцию ресурсного фонда (подробней о ней чуть ниже) для иллюстрации причин начала депрессии использовал Ларри Сехрест в статье «Объясняя ошибочные инвестиции и переинвестирование» (*Sechrest, 2006*). Он представил АТБЦ в терминах теории САРМ (*Capital Assets Price Model*) в привычном для экономистов мэйнстрима виде графических диаграмм. Уменьшение процентных ставок ведет к росту чистой приведенной стоимости — сегодняшней оценке будущих денежных потоков, делая выгодными длинные инвестиционные проекты и повышая спрос на блага высших порядков. Величина необеспеченных добровольными сбережениями инвестиций ограничена запасом ресурсного фонда.

3.4. Другие направления

Нельзя не отметить теоретический вклад ряда авторов непосредственно в теорию цикла.

Ф. Шостак в статье «Где мы находимся и куда нас несет» (*Шостак, 2005*) подчеркнул важность включения в анализ двух аспектов наследия АТБЦ. Во-первых, он опирается на менгеровскую традицию — целенаправленность человеческой деятельности и общую теорию благ. Основатель школы стремился представить человеческую деятельность в системе «цель — средства», когда каждый индивид использует различные средства для достижения постоянно меняющихся целей и повышения своего благосостояния. Иерархия товаров на товары первого и высших порядков ведет к двум важным следствиям: во-первых, помещение товаров в ту или иную производственную цепочку зависит от потребительских желаний, от уровня развития технологий (т.е. знаний человека о возможности того или иного целесообразного использования благ) и от готовности людей отказаться от текущего потребления в пользу увеличения запаса капитала в экономике; во-вторых, ценность благ высших порядков зависит от ценности благ первого порядка и изменяется даже при изменении потребителями ожидаемой в будущем оценки благ первого порядка. Изменение целей неиз-

бежно будет вести к изменению понимания необходимых для их достижения средств и к постоянной переоценке всего доступного человечеству объёма благ.

Во-вторых, он выдвинул идею взаимосвязи мизесовской концепции «ресурсный фонд» с законом Сэя. Он подчеркивает противоречие взгляда на недостаток спроса как причину кризиса, поскольку спрос и логически, и исторически является вторичным по отношению к производству. Прежде чем предъявить спрос, человек должен стать производителем. Распространенное мнение о том, что кейнсианская революция опровергла закон Сэя, ошибочно: разбалансированность спроса-предложения анализируется в условиях, когда фидуциарный кредит уже нарушил привычные взаимосвязи в экономике. Ресурсный фонд (subsistence fund) представляет собой весь объем товаров, являющихся средствами для достижения поставленных человеком целей. Для того, чтобы увеличить возможности будущего потребления, необходимо развертывание более эффективных капиталоемких производственных процессов. «Объем ресурсного фонда накладывает ограничения на тип проектов, которые могут быть осуществлены» (Шостак, 2005, с. 9) — чем больше его величина, тем длиннее период времени, в течение которого можно ожидать отдачи от инвестиций в виде прироста производства потребительских товаров.

Очевидно, что дополнительный выпуск денег в экономике не увеличивает ресурсный фонд: в определенный момент удлинения производственной структуры общества, вызванного не добровольными сбережениями, а выпуском денег, данного фонда оказывается недостаточно для полного развертывания новых производственных процессов, и начинается рецессия — процесс ликвидации инвестиционных ошибок, вызванных денежной политикой.

В 2001 г. появилась книга Роджера Гаррисона «Время и деньги: макроэкономика структуры капитала» (Garrison, 2001), в которой предложена графическая интерпретация модели АТБЦ. Это значительно обогатило теорию в смысле методики преподавания. Кроме того, наличие графиков привычно для большинства современных экономистов, что облегчило коммуникации с другими школами. В этой и других работах (Garrison, 1991, 2006) Гаррисон проводит сравнение австрийской теории цикла с теориями дру-

гих школ. Он справедливо представляет кейнсову концепцию как «макрэкономикку труда», поскольку в качестве цели объяснения Кейнс и его последователи выдвигают уровень безработицы. Макрэкономика австрийской школы — это макрэкономика структуры капитала.

Р. Гаррисон вводит понятия «обеспеченный» (sustainable) и «необеспеченный» (unsustainable) рост. Обеспеченный рост соответствует межвременному предпочтению потребителей, т.е. инвестиционные проекты обеспечены реальными сбережениями. Рост становится необеспеченным, когда он не соответствует объему располагаемых ресурсов, т.е. когда сбережений недостаточно. Важным вкладом Гаррисона является вывод о том, что АТБЦ является «связующим мостом» между долгосрочным и краткосрочным периодами. В современной макрэкономике существует жесткий водораздел между долгосрочным периодом, где целью анализа выступают причины, факторы, динамика и модели экономического роста, и краткосрочным, где анализируются экономические колебания и стабилизационная экономическая политика. При этом возникает противоречие — если для повышения темпов роста требуется экономическая политика, направленная на рост сбережений и повышение капиталовооруженности производства, то в краткосрочном периоде выход из кризиса проповедуется отказом от сбережений в пользу роста потребительских расходов. Такого противоречия нет в теории австрийской школы — добровольные сбережения обеспечивают устойчивый рост и не ведут к кризису, недобровольные неизбежно через депрессию сокращают темпы роста. Анализ работы Гаррисона был целиком посвящен номеру журнала «The Quarterly Journal of Austrian Economics» в 2001 г.

Дальнейшее развитие теории Гаррисона предложили J. Cochran, S. Call и F. Glahe в статье «Австрийская теория бизнес-цикла: вариации на тему» (Cochran, Call и Glahe, 2003). Приближая методику подачи теории АТБЦ к мэйнстриму, они показывают, что обеспеченный рост может быть изображен как сдвиг тренда, а необеспеченный — как влияющий только на экономические колебания.

Й.Г. Хюльсман высказал идею, что любая теория бизнес-цикла должна основываться на общей теории ошибки — ошибки

предпринимателя при выборе сознательного действия (*Hulsmann, 1998*). По его мнению, существующие теории цикла неудовлетворительны, поскольку выводят ошибку из случайных предшествующих событий. Сущностное объяснение требует нахождения повторяющейся ошибки, которую автор сводит к активности правительства, в первую очередь, в денежной сфере, и предлагает пересмотренный вариант теории Мизеса.

Значительной вехой в развитии теории школы стала работа Х. Уэрта де Сото «Деньги, банковский кредит и экономические циклы» (*Уэрта де Сото, 2008*). Образование автора, полученное по специальностям права, актуарной математики и экономики, позволило ему обогатить теорию некоторыми междисциплинарными аспектами. Подробный анализ теории и истории развития банковской системы привел автора к выводу о системе частичного банковского резервирования как нарушении права собственности, основанном на подмене договора поклада договором займа. Используя концепцию стоимости денег во времени, автор проводит сравнение спроса и предложения товаров на каждой из разворачивающихся стадий производства при добровольных сбережениях и фидуциарном кредите, показывая растущую несогласованность в последнем случае.

Автор демонстрирует направления воздействия кредитной экспансии на производственные процессы на микроэкономическом уровне. Начальный эффект увеличения кредитов, основанных на росте сбережений и на увеличении фидуциарного кредита, одинаков. Происходит расширение и удлинение структуры капитала. Расширение — поскольку дополнительные кредиты направляются в производственную сферу. Удлинение — поскольку происходит снижение ставки процента и увеличивается текущая ценность капитальных благ (дисконтирование потоков при меньшей ставке процента увеличивает ценность ожидаемого потока доходов, производимых одинаковым капиталом). Однако если в случае добровольного роста сбережений расширение и удлинение производственных процессов обеспечены отказом потребителей от текущего потребления, что одновременно с ростом цен капитальных благ делает потребительские товары дешевле, то в случае кредитной экспансии эти явления вызваны просто более легкими условиями

кредитования. Возникает рассогласованность действий экономических агентов, и де Сото формулирует шесть микроэкономических эффектов, отличающих «необеспеченную кредитную экспансию», неизбежно ведущую к экономическому циклу:

- рост цены первичных факторов производства;
- последующее повышение цен на потребительские блага;
- существенный относительный рост бухгалтерских прибылей компаний, действующих на стадиях, близких к конечному потреблению;
- эффект Рикардо;
- повышение процентных ставок по кредиту;
- появление бухгалтерских убытков в компаниях, действующих на стадиях, относительно более отдаленных от потребления.

Последние главы книги де Сото посвящает критике кейнсианской, монетаристской теорий цикла, теории свободной банковской деятельности и банковской системы с центральным банком и завершает предложениями по реформированию современной банковской системы в целях элиминирования ее негативного влияния на экономическую систему.

М. Скоузен (*Skousen*, 1990, с. 313-315) высказал интересную идею о том, что трактовка стагфляции как сочетания роста цен и спада производства не совсем верна. Если отказаться от концепции роста общего уровня цен и обратить внимание на изменение относительных цен, то обнаружим, что каждая рецессия сопровождалась ростом относительных цен потребительских товаров. Даже в случаях, когда наблюдалась дефляция, цены на производственные товары падали сильнее, чем на потребительские, т.е. относительная цена последних росла. Таким образом, стагфляция представляет собой универсальное явление, а не возникшее в середине 1970-х гг., когда экспансионистская монетарная политика привела к ее яркому проявлению в виде роста всех цен.

Развитие взглядов на влияние денежной сферы на экономический цикл нашло отражение в работах А. Мюллера (*Mueller*, 2007) и Ф. Багуса (*Bagus*, 2010). Мюллер расширил модель для импортосодержащей производственной структуры и показал, что и в этом случае кредитная экспансия ведет к коллапсу. Багус исследует

возможность «бум—спад» цикла при 100% банковском резервировании, но несопадающих сроках изъятия депозитов и возвращения кредитов и приходит к выводу, что роль центрального банка как кредитора в последней инстанции может приводить к избыточному кредитованию.

Последствия мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. также активно рассматривались представителями школы. Одну из наиболее интересных статей на данную тему опубликовал вице-президент Института Мизеса по академическим вопросам Джозеф Салерно «Переформулировка австрийской теории бизнес-цикла в свете финансового кризиса» (*Salerno, 2012*). Подчеркивая, что АТБЦ объясняет цикл не сверхинвестированием, а ошибочным инвестированием, Салерно дополняет анализ воздействия манипулирования процентными ставками не только на длительность структуры капитала, но и на выбор межвременной структуры потребления домашними хозяйствами. Интегрирование в АТБЦ эффекта богатства позволило автору показать, как иллюзорные прибыли и инфляционно выросшие доходы факторов производства ведут к неверной оценке домашними хозяйствами своего «чистого богатства»: сверхпотребление фазы бума логично сопряжено с ошибочными инвестициями, имея в основании ту же причину — занижение процентных ставок фидуциарным кредитом. Третье направление уточнения теории связано с доказательством того, что «вторичная дефляция», наблюдаемая на фазе спада, в своей основе имеет не случайное уменьшение денежной массы, а коррекцию искажений относительных цен, вызванных сверхпереоценкой активов в период эйфории бума. Учет данных факторов при рассмотрении экономических событий глобального кризиса и предшествующего десятилетия делает возможным полноценное объяснение их в рамках АТБЦ.

Таким образом, современное состояние австрийской школы позволяет увидеть развитие и обогащение многих аспектов теории цикла, наиболее интересными из которых представляются междисциплинарные.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Неудовлетворенность как субъектов экономики и политикомейкеров, так и самого академического сообщества уровнем объяснения кризисных явлений в современной экономике и предлагаемых мер экономической политики неизбежно будет поднимать планку требований к экономическим теориям различных школ. При этом требования будут возрастать как с точки зрения объяснительной способности, так и из-за реалистичности применяемых предпосылок и методологии.

На этом фоне теория экономического цикла австрийской школы может выдвинуться в лидеры: вот уже более столетия она не изменяет выбранной методологии и предлагает логичную теорию цикла, дополняемую в свете появления новых знаний в области экономической науки и сопряженных дисциплинах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов, В.С. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. 2014. №3. С. 53–56.
2. Бём-Баверк, О. фон. Капитал и прибыль. Т. 2. Позитивная теория капитала. Челябинск: Социум, 2010.
3. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
4. Боннер, У., Уиггин, Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в. Челябинск: Социум, 2005.
5. Гребнев, Л.С. О предмете экономической науки или С чего начинать преподавание экономики? // *Вопросы экономики*. 2007. № 8. С. 134–145.
6. Каза, Г. Рецессия 2001–2002 гг. в свете мизесианской теории экономического цикла // *Маэстро бума. Уроки Японии*. Челябинск: Социум, 2005. С. 187–222.
7. Кирдина, С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН, 2013.
8. Кирицнер, И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2010.
9. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Дж. М. Кейнс. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. С. 224 –518.
10. Ковалёв, А.В. «Робинзонада» как методологический прием в экономической науке // *Проблемы современной экономики*. 2008а. № 2. С. 54–57.
11. Ковалёв, А.В. Экономический расчет при социализме: современное понимание дискуссии // *Вестник БНТУ*. 2008в. № 2. С. 52–60.
12. Ковалёв, А.В. Австрийская школа и институционализм: схожесть методологии // *Terra Economicus*. 2011. № 4. С. 77–82.
13. Ковалев, А.В. Австрийская теория бизнес-цикла: методология и исходные допущения как основа конкурентного преимущества теории // *Экономическая наука: методологии, теории и практика* / Под ред. А.П.Заостровцева. Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр». СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2014. С. 62–70.

14. Ковалёв, А.В. Методологический индивидуализм vs. методологический атоمیцизм, или Человек Институциализированный: подход австрийской школы // Социальный либерализм: между свободой и этатизмом / Под ред. А.П.Заостровцева. Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр». СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2015а (в печати).
15. Ковалёв, А.В. Теория экономического цикла австрийской школы: эволюция и современное состояние // Экономическая политика. 2015b. № 2. С. 43–62.
16. Ковалёв, А.В. Теория экономического цикла австрийской школы: применение для анализа белорусской экономики. 2015с (в печати).
17. Кузнецов, Ю. Критика теоретических основ антимонопольного регулирования // Эковест. 2002. Вып. 2 (№ 4). С. 595–613.
18. Маэстро бума. Уроки Японии / Сб. статей. Челябинск: Социум, 2005.
19. Менгер, К. Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., 1894.
20. Менгер, К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. М.: Прогресс, 1984.
21. Мизес, Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994.
22. Мизес, Л. Австрийская теория экономического цикла // Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. С. 103–111.
23. Мизес, Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Челябинск: ИРИСЭН: Мысль: Социум, 2008.
24. Мизес, Л. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012.
25. Полтерович, В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
26. Ротбард, М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. М.: Социум, 2008.
27. Ротбард, М. Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2012.
28. Рубинштейн, А.Я. Введение в новую методологию экономического анализа. М.: Институт экономики РАН, 2012.

29. *Рубинштейн, А.Я.* Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное (научный доклад). СПб., 2015.
30. *Салерно, Дж.* Теория денег Людвиг фон Мизеса в контексте современной теории денег // Мизес, Л. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012. С. 701–746.
31. *Сапов, Г.Г.* Собственность: условие человеческой деятельности и юридическая категория // Отечественные записки. 2004. № 6 (20).
32. *Сноудон, Б., Вэйн, Х.* Современная макроэкономика и ее эволюция с монетаристской точки зрения: интервью с профессором Милтоном Фридманом // Эковест. 2002. Т 2. № 4. С. 520–557.
33. *Тумилович, М.* Формализм, экономическое образование и экономические науки // Эковест. 2003. Вып. 3. № 1. С. 102–124.
34. *Усанов, П.В.* Экономист как призвание и профессия // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. Т. 7. № 3. С. 116–128.
35. *Уэрта де Сото, Х.* Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / Хесус Уэрта де Сото. Челябинск: Социум, 2007.
36. *Уэрта де Сото, Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.
37. *Уэрта де Сото, Х.* Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум, 2011.
38. *Хаберлер, Г.* Деньги и экономический цикл // Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. С. 112–132.
39. *Хайек, Ф.А.* Познание, конкуренция и свобода. СПб: Пневма, 1999.
40. *Хайек, Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000.
41. *Хайек, Ф.А.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: Ирисэн, 2006.
42. *Хайек, Ф.А. фон.* Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008.

43. Ходжсон, Дж. Какова сущность институциональной экономической теории? / Перевод с англ. *Hodgson, Geoffrey M.* What is the essence of institutional economics? // *Journal of Economic Issues*. Jun 2000. Vol. 34. Issue 2. P. 317–30 (<http://ie.boom.ru/Referat/Hodgson.htm>).
44. Шостак, Ф. Где мы находимся и куда нас несет // Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. С. 3–25.
45. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. В 3-х т. СПб: Экономическая школа, 2001.
46. Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005.
47. *Vagus, P.* Austrian Business Cycle Theory: Are 100 Percent Reserves Sufficient to Prevent a Business Cycle? // *Libertarian Papers*. 2010. Vol. 2. No. 2. P. 1–18.
48. *Cochran, J.P., Call, S.T., Glabe, F.R.* Austrian Business Cycle Theory: Variations on a Theme // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. 2003. Vol. 6. No. 1. P. 67–73.
49. *Cwik, P.F.* Austrian Business Cycle Theory: A Corporate Finance Point of View // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. 2008. Vol. 11. No. 1. P. 60–68
50. Expectations and the Meaning of Institutions. Essays in economics by Ludwig Lachmann // Edited by Don Lavoie. New York: Routledge, 1994.
51. *Foss, N.J., Lien, L.B.* Ownership and Competitive Dynamics // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 3–30.
52. *Garrison, R. W.* New Classical and Old Austrian Economics: Equilibrium Business Cycle Theory in Perspective // *The Review of Austrian Economics*. 1991. Vol. 5. No 1. P. 93 – 103.
53. *Garrison, R. W.* Time and Money: The Macroeconomics of Capital Structure. London: Routledge, 2001.
54. *Garrison, R. W.* From Keynes to Hayek: the marvel of thriving macroeconomics // *The Review of Austrian Economics*. 2006. Vol. 19. P. 5 – 15.
55. *Hayek, F.A. von.* Capital and Industrial Fluctuations // *Econometrica*. 1934. Vol. 2. Issue 2. P. 152–167.

56. *Hicks, J.* «The Hayek Story» in *Critical Essays in Monetary Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1967.
57. *Hulsmann, J.G.* Toward a general theory of error cycles // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. 1998. Vol. 1. No. 4. P. 1–23.
58. *Kates, S.* Why Your Grandfather's Economics Was Better than Yours: On the Catastrophic Disappearance of Say's Law // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 3–28
59. *Kavaliou, A., Malukowitch, P.* Changes to the Corporate Governance Goals of Belarusian Enterprises and Their Impact on Corporate Performance Under Crisis // *Corporate Governance and the Global Financial Crises Conference, 2010, Sept 24-25, Philadelphia, USA*.
60. *Lachmann, L.* The Role of Expectations in Economics as a Social Science // *Economica*. 1943. Vol. 14.
61. *Levin, P.* Hayek and Lachmann and the Complexity of Capital // R. Garrison (ed.) *The Elgar Companion to Hayek*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013.
62. *Ludvig von Mises: Scholar, Creator, Hero* // By Murray N. Rothbard. Auburn: Ludvig von Mises Institute, 1988.
63. *McCormick, B.J.* Hayek and the Keynesian Avalanche. New York: St.Martin's Press, 1992.
64. *Mueller, A.P.* Monetary Policy and the Business Cycle in the Perspective of Capital-Based Macroeconomics // *The Continental Economics Institute Working Paper 2007/1*. January 2007. Available at SSRN: <http://www.continentaleconomics.com/files/MonetaryPolicyandtheBusinessCycleCEIWP2007.1.pdf>
65. *Niskanen W.A.* How to Turn a Recession into a Depression // *Cato Policy Report*. 2009. March–April.
66. *Oppers, S.E.* The Austrian Theory of Business Cycles: Old Lessons for Modern Economic Policy // *IMF Working Paper*. 2002. WP/02/2.
67. *Salerno, J.* A reformulation of Austrian Business Cycle Theory in Light of the Financial Crisis // *Quarterly Journal of Austrian Economics*. 2012. Vol. 15. No 1. P. 3–44
68. *Sechrest, L.J.* Explaining malinvestment and overinvestment // *Quarterly Journal of Austrian Economics*. 2006. Vol. 9. No 4. P. 27–38.
69. *Skousen, M.* *The Structure of Production*. New York: New York University Press, 1990.

70. *Snowdon, B., Vane, H., Wynarczyk, P.* A Modern Guide to Macroeconomics: Introduction to Competing Schools of Thought. London: Edward Elgar Publishing, 1994.
71. *Stringham, Edward P.* Economic value and costs are subjective In. Handbook on contemporary Austrian Economics. Edward Elgar, 2010.
72. *Vaughn, Karen I.* Austrian Economics in America. The Migration of a tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Александр Ковалёв (1966 г.р.) закончил Белорусский государственный университет по специальности «политическая экономия» в 1989 г. Кандидат экономических наук (1994), доцент по специальности «экономика» (1998).

Заведовал кафедрами экономической теории в Институте современных знаний и Белорусском национальном техническом университете (г. Минск).

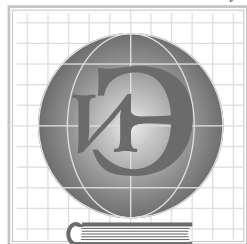
Стажировался в университете Пенсильвании (Филадельфия, США) и в Берлинском экономическом институте прикладных наук (Германия) по программе «Монетарная политика и институты». Обучался на различных программах бизнес-образования. Сертифицированный оценщик недвижимости и бизнеса, антикризисный управляющий, специалист фондового рынка. В 2009 г. получил степень мини-MBA Бизнес-школы Кемми университета Лимерика (Ирландия).

В течение двадцати лет в качестве собственника, руководителя и консультанта реализовывал проекты в сферах оценки, стратегического менеджмента, инвестиционного планирования и антикризисного управления.

С 2008 г. по настоящее время является заместителем директора Центра бизнес-образования Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

Автор более 60 работ по проблемам экономической теории, методологии, истории экономической мысли, теоретическим и прикладным аспектам корпоративного управления и правительственной политики.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Ковалёв А.В.

Австрийская школа: от методологии к объяснению кризисов

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Ерзнкян М.Д.*

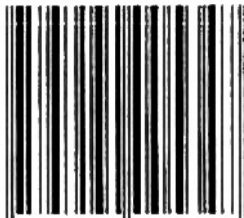
Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 18. 06. 2015. Заказ № 22

Тираж 300 экз. Объем 2,4 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0534-7

9 785994 005347